УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика

А. Б. Алексеев

*Московский областной филиал РАНХиГС
Красногорск, Россия*

Аннотация

Рассматривается понятие «языковая личность политика-актера», трактуемое в рамках теории политейнмента: здесь этот термин не указывает на предыдущую профессиональную деятельность политика, но связывается с одним из свойств политического дискурса – театральностью. В условиях, когда политическая коммуникация трансформируется в политейнмент, театральность превращается в ее главный системообразующий компонент. Политейнмент понимается как гибридный тип дискурса, расположенный на пересечении политической, масс-медийной и бытовой сфер общения, допускающий вкрапления и из других коммуникативных сред, ориентированных на развлечение. Язык политейнмента выполняет, помимо прочих, людическую функцию, а поэтому политейнмент конструируется с помощью языковой игры. Людическая функция политического языка связана с явлением театральности, поскольку именно театральность дает политику возможность выразить себя даже в традиционно несвойственных политическому дискурсу ролях. Языковая личность политика-актера характеризуется намеренно упрощенным представлением серьезных проблем. Ей свойственно использование оскорблений, причем часто в гиперболизированной и гротескной форме, заимствованное, вероятно, из американских баттлов. Политик-актер – лингвокреативный субъект дискурса, он может давать металингвистические комментарии к определенным фразам, употреблять каламбуры, эвфемизмы, дисфемизмы, сравнения, гиперболы и др. лингвостилистические средства. Как и традиционный политик, «актер» манипулятивен: он разыгрывает различные роли, но прежде всего предстает перед избирателем в образе «звезды», знаменитости, «гламурной персоны». В этом смысле политик-актер имеет нечто общее с музыкантами и профессиональными спортсменами – и нередко в дискурсе актуализируется соответствующая лексика: упоминаются названия видов спорта, музыкальных инструментов, имена музыкальных групп и исполнителей. «Актер» устанавливает рекорды, соревнуется со своими политическими противниками, нокаутирует их и т. п. Причем «актеры» в современном мире все чаще захватывают инициативу, задают общий политико-коммуникативный тренд.

Ключевые слова

языковая личность, политейнмент, языковая игра, игра слов, театральность, политический дискурс

Для цитирования

Алексеев А. Б. Политейнмент и влияние его стратегий на языковую личность политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Politainment and the Influence of Its Strategies on the Language Personality of the Politician

Alexander B. Alexeyev

*The Moscow Region Subsidiary of the Russian Academy of Economy and Public Administration
Krasnogorsk, Russian Federation*

Abstract

The article dwells on the notion of the language personality of the politician-as-actor interpreted within the framework of the politainment theory: the term used in the paper does not indicate the previous profession of a politician but rather describes one of the peculiarities of the political discourse, viz. its theatricality. The paper argues that when political communication is being transformed into politainment, theatricality becomes its key component. Politainment is

© А. Б. Алексеев, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

interpreted here as a hybrid type of political discourse including elements of mass-media and everyday spheres of communication, allowing to orient them at entertainment. Since the language of politainment performs a ludic function, it has often recourse to language game. For the communicative approach of the politician-as-actor it is typical to avoid serious consideration of political topics, to make use of communicative techniques which allow to simplify political problems. It is normal for him to recourse to vulgar language, offensive or otherwise insulting devices such as hyperboles, exaggerations, grotesque. The politician using techniques of politainment is a resourceful individual who can easily give metalinguistic comments, employ puns, euphemisms, dysphemisms, similes, hyperboles and other rhetoric means. Just like a traditional politician, the 'actor' is manipulative: he plays out different roles but, first and foremost, he is a star, a celebrity and a glamorous person. In this sense, the politician-as-actor has something in common with musicians and professional sportsmen. It is not unusual for the politainment to borrow their vocabulary: sports, musical instruments, names of musical groups and performers may be mentioned. Such a political actor "sets records", "competes" with his political opponents, "knocks them out", etc. To conclude, we may say that 'actors' take initiative to dominate on the contemporary political scene and to set a new trend in political communication. In this sense, politainment is not a phenomenon which is represented by orations of only several "linguistically creative" politicians; it is much wider, it influences the whole standard of political communication.

Keywords

language personality, politainment, language game, word play, theatricality, political discourse

For citation

Alexeyev, Alexander B. Politainment and the Influence of Its Strategies on the Language Personality of the Politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102

Введение

Антропоцентризм современной лингвистики закономерно ведет к тому, что исследователь не просто изучает язык, но обращается к человеку, говорящему на нем, *homo loquens*, или языковой личности.

Понятие «языковая личность политика» рассматривается нами как видовой термин по отношению к родовому «профессиональная языковая личность», формально и семантически зависящего от одного из ключевых концептов современной лингвистики – *ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ* [Сорокина, 2017. С. 269].

Теория профессиональной языковой личности также опирается на общие положения, сформулированные Ю. Н. Карауловым [2010]. Как отмечает С. Г. Лебедева, актуальность представляет выделение трех уровней в структуре профессиональной языковой личности – коммуникативно-компетентностного, лингвокогнитивного, мотивационного. Язык профессиональной коммуникации представляет собой, по мнению автора, коммуникативно-когнитивное пространство, в котором термины и жаргонизмы выступают в роли главных концептуально-ориентирующих средств [2019. С. 29].

Языковая личность политика стала основным объектом изучения в политической лингвистике, а точнее в ее новом направлении – политической лингвоперсонологии. Эта дисциплина позволяет, сопоставив речи политиков, выявить в них как национальную специфику, так и общечеловеческие, универсальные черты (ср. [Крышталева, 2019, С. 79]).

Одной из актуальных проблем политической лингвоперсонологии, обсуждаемых в политической лингвистике, является совершенствование классификации языковой личности политика, выделение различных типов политиков (см. [Алексеев, 2018]). Работая над такой классификацией, исследователь не может не принимать во внимание происходящие изменения в институциональной сфере политики, все чаще под воздействием целого ряда факторов превращающейся в политейнмент.

Можно предположить, что языковая личность политика, реализующая себя в политейнменте, отличается от традиционной языковой личности политика, но при этом сохраняет многие системообразующие черты, присущие последней.

Теория политейнмента

Термин «политейнмент», будучи двукорневым словом, произошел в результате слияния английских лексем ‘politics’ и ‘entertainment’, соединив два семантических компонента: политика (политическая борьба, но не policy!) и развлечение. Он обозначает особый, гибридный, еще малоизученный тип дискурса, расположенный на пересечении политической, масс-медийной и бытовой сфер общения, возможно, с вкраплениями элементов из других коммуникативных сред, ориентированный на развлечение адресата.

Возрастающая апатия людей к политике, диагностированная еще французским социологом Ж. Бодрийяром, ведет к тому, что в западном обществе наблюдается падение интереса к политическим смыслам, отсутствует социальный заказ на них [Baudrillard, 1983. P. 28]. Чтобы возбудить интерес общества, политики вынуждены внедрять в речи развлекательные аспекты, например, говорить на несерьезные темы, активно пользоваться ludic функцией языка.

Одной из важных работ, посвященных теме политейнмента, является книга А. Дёрнера ‘Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft’. В ней ученый связывает изменения, происходящие в области институциональной политики, с влиянием СМИ и новой медиареальности на сознание избирателей. «Развлечение» посредством СМИ представляет собой, по мнению автора, смыслопорождающий вид деятельности, поскольку он дает людям, вовлеченным в него, специфичные формы идентичности. Основным фактором, которым руководствуются клиенты политейнмента, обозначается как ‘Feel-Good-Faktor’ [Dörner, 2001. S. 62]. Эта информационная установка – жизнеутверждающее политическое кредо современного общества, возникшее на фоне философии массового потребления.

Феномен «политейнмент» рассмотрен А. Дёрнером в контексте американской политики, трансформирующейся в медиадемократию (media democracy), погруженную отныне в перманентную избирательную кампанию (permanenter Wahlkampf). Причем глобализация и, особенно, американизация ведут к тому, что черты, свойственные политическому дискурсу США, формируют универсальный, общемировой тренд [Ibid. S. 112].

Прототипичными жанрами политейнмента являются ток-шоу, политико-криминальные фильмы и романы (Polit-Krimis) [Ibid.]. С помощью стратегий редукионизма¹ репрезентация политических событий упрощается и персонализируется; эмоции начинают преобладать над фактами. Политика становится доступной даже для тех людей, которые ранее ее не принимали и не понимали. Выборы начинают проводиться в стилистике карнавала (à la carnaval): дебаты могут происходить на стадионе, а в политической гонке могут принимать участие персонажи из «Звездных войн», например, Дарт Вейдер или актеры «Квартала-95»².

Именно это имел в виду французский мыслитель Б. де Жувенель, когда писал: «Парламентские дебаты уже не академия для граждан, а цирк для безумцев» [2011. С. 368].

Политологи определяют такую технологию ведения избирательной кампании как политический спектакль, описывая его в терминах «действующее лицо (актор)», «политическая публика», «правила игры» [Жиро, 2006. С. 13]. Яркие личности, пришедшие в политику из профессиональных сфер, связанных с развлечением, – Бeppe Грillo, Д. Трамп, В. Зеленский, вносят свою лепту в распространение культуры политейнмента, но элементы политейнмента можно встретить и в дискурсе более «серьезных» политиков.

Не последнюю роль в создании политейнмента играют коммерческие отношения: деньги опосредуют новую медиареальность, делают ее возможной [Dörner, 2001. S. 240]. Клиенты дискурса платят за потребление политейнмента количеством времени, которое они проводят

¹ Термин О. С. Иссерс [2009. С. 58].

² Президентская гонка как политейнмент: как освещают выборы в Украине зарубежные СМИ. URL: <https://tsn.ua/ru/video/video-novini/prezidentskaya-gonka-kak-politeynment-kak-osveschayut-vybory-v-ukraine-zarubezhnye-smi.html> (дата обращения 31.01.2020).

перед телевизором, в социальных сетях и т. п., а также голосами на выборах, придающими новой власти искомую легитимность.

Преобладание политического или развлекательного компонента – главный критерий для определения границ политейнмента, возникающего, с точки зрения А. Дёрнера, лишь тогда, когда желание доставить и получить удовольствие становятся лейтмотивами деятельности человека [Dörner, 2001. S. 31]. Однако, определяя термин «политейнмент», политическая лингвистика не всегда руководствуется условием превалирования развлекательной составляющей над политической – для некоторых аналитиков важно лишь ее наличие [Еремина, 2014. С. 64; Федотова, 2015. С. 461].

Таким образом, политейнмент – это особый тип гибридного дискурса, актуализирующего, помимо прочих, людическую³ функцию языка и находящегося на пересечении политического, медийного и бытового дискурсов.

В нашем исследовании акцент ставится на бытовом дискурсе. Это оправдывается тем, что один из простых, доступных и очень популярных способов развеселить массовую аудиторию состоит в том, чтобы вводить в публичную речь оскорбительные слова и лексику сниженного регистра [Leech, 2014. P. 219]. Не случайно Б. де Жувенель пришел к выводу, что политики нередко соревнуются между собой «в брани, в грубости и лукавстве...» [2011. С. 370]. Политейнмент характеризуется и особой тематикой. Вместо актуальных политических новостей в политейнменте нередко обсуждаются тривиальные проблемы (например, меню политика [Федотова, 2015. С. 461]).

Отказ от логического, строго аргументированного построения речи, от следования некоторым нормам поведения, ранее обязательным в рамках институционального общения, использование эмоционально окрашенных языковых единиц, откровенность и прямота (*franc-parler*)⁴ – вот те черты, которые сближают политейнмент и бытовой дискурс.

Убеждение адресата в политейнменте достигается в первую очередь за счет целенаправленного применения лингвостилистических средств. А. Д. Еремина [2014] отмечает конституирующую роль в пространстве политейнмента метафоры, сравнения, оксюморона и игры слов.

Одним из существенных свойств политической коммуникации является театральность [Михалева, 2009. С. 44]. В политейнменте, по нашему мнению, театральность становится главной дискурсивной категорией, детерминирующей все речевое поведение политика. В этом ракурсе языковая личность политика может быть обозначена как «политик-актер».

Решающее значение для такого политика-актера имеет языковая игра (*der Sprachspiel*). По сути, многое из того, что он говорит и делает (заметим, что в философии Дж. Остина и Дж. Серля речевой акт приравнивается к поступку⁵), связано с языковой игрой, но в широком понимании этого явления. Языковая игра⁶ не может быть интерпретирована в данном

³ От лат. *ludo* – играю.

⁴ См.: *Pasquier, V. Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction)*. URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020).

⁵ Отождествление слова с действием экстраполируется Робинсоном и на процесс перевода, что имеет определенное значение для политической коммуникации, хотя его и не следует преувеличивать. Критику Робинсона см. в [Фефелов, 2014. С. 43–45]. Перформативность в переводе нередко связывается также с *rewriting* и, следовательно, с манипулированием, включая политическое, межкультурное и международное (см. [Фефелов, 2015. С. 54–57]). Слово-характеристику *spy* в отношении нынешнего президента России можно перевести как шпион (что часто и делается в СМИ) и как бывший сотрудник КГБ или спецслужб (и это точнее). Но эти идентификаторы создают существенно отличающиеся образы в восприятии адресата.

⁶ Термин «языковая игра» на английский язык может переводиться двояко: ‘*language game*’ и ‘*language play*’. Первое понятие – философское, обозначающее игру с социальными практиками. Второе – лингвистическое, близкое по содержанию к термину «игра слов» (*word play*). Очевидно, что языковая личность политика-актера использует обе разновидности игры: *language play* позволяет вводить в политический дискурс развлекательные аспекты, смешить аудиторию, в то время как *language game* дает политику возможность «примерять» различные социолингвальные роли – например, как будет показано далее, «лингвиста», «прокурора», «спортсмена».

случае как наполнение речи каламбурами, оксюморонами и прочими риторическими приемами, но она должна уже трактоваться как склонность субъекта политической коммуникации носить различные речевые маски [Денисенко, Чеботарева, 2008, С. 48], исполнять множество ролей, в том числе и те, которые традиционно не были свойственны политикам. Общение в этом случае превращается в своеобразный театр, в котором адресат – зритель, а политик – знаменитость, «важная персона», «звезда» [Rountree, 2013. P. 349], гламурная личность, инсценирующая политику [Holly, 2011. S. 228], – актер.

Необходимо иметь в виду, что в хорошо организованном политейнменте аудитории, как правило, отводится не только пассивная роль зрителя, но она включена, пусть даже в иллюзорное, продуцирование смысловых аспектов дискурса. Адресат в политейнменте не просто наблюдает за языковой игрой, но может и принимать в ней непосредственное участие, – в этом проявляются интерактивность, диалогичность речи [Сидоров, 2008. С. 13].

Приемы политейнмента в политическом дискурсе Д. Трампа

Для подтверждения теоретических положений, изложенных здесь, и их развития обратимся далее к анализу американского политейнмента 2015–2016 гг., который возник в ходе избирательной кампании и репрезентирован, кроме Д. Трампа, выступающего ведущей фигурой, еще и некоторыми его оппонентами-республиканцами.

Политейнмент часто конструируется с помощью ложных форм самоидентификации, что можно рассматривать как попытку манипуляции. Так, пользуясь семантической размытостью лексем ‘politics’, ‘politician’ [Bell, 1975], Д. Трамп заявил в ходе дебатов с представителями республиканской партии, что он не политик, и тут же «опроверг» себя, проведя тонкую грань между смыслом выражений *быть в политике* (он в ней якобы всю жизнь) и *быть политиком* (им он стал три месяца назад)⁷.

TRUMP: I’ve actually been in politics all my life, although I’ve been on that side as opposed to this side. I’m now a politician for about three months (2nd Rep. Deb.).

Слова «политика», «политик», особенно употребленные в контексте внутренней политики, все чаще несут негативные коннотации [Терехова, 2011. С. 135]. Д. Трамп не только актуализировал в своем дискурсе эти смыслы, но и избрал манеру говорения, соответствующую им, отвергнув принципы политкорректности, превратив политическую коммуникацию в спектакль. Он открыто обзывал своих политических противников, проявляя особую креативность, подбирая «нужные» клички, вводя их в политическую коммуникацию таким образом, что они запоминались, веселили. Одним из приемов, благодаря которому Д. Трамп достигал необходимого лингвопрагматического эффекта, был гротеск – чрезмерное преувеличение, представление противника в комическом свете, изображение в карикатурном виде. Вот характерный пример:

...a very low-energy person, very-very low energy, so low energy that every time you watch him you fall asleep (Mobile, 21.08.2015).

Рациональная часть негативной семантики дескрипции противника создается с помощью переносного употребления нового технического термина *low-energy* (ср. энергосберегающая лампочка), внедренного в массовое сознание обывателей в последние годы. Став характеристикой политического оппонента, он превращается в оскорбительный для всякого политика ярлык ‘*low-energy*’ person, одновременно внушая слушателю идею о неготовности оппонента к активной работе в случае избрания на ответственную должность. Гротеск же создается с помощью риторического приема повтора наречия ‘very’ в восходящей градации: *very* → *very-very* → *so*.

⁷ Здесь Д. Трамп использует игру слов (word play).

Материал показывает, что Д. Трамп использовал эту характеристику-сравнение неоднократно в разном синтаксическом оформлении, но обязательно сохраняя в карикатурном образе политиков две негативные черты, которые по-русски можно передать не совсем симметрично, но зато адекватно отражая суть: 1) кое-как шевелится и 2) засыпает на ходу. Это видно в его высказывании о сопернике-республиканце, губернаторе штата Флорида, представителе авторитетнейшей в США «президентской» семьи Джебе Буше:

Jeb Bush, a very low-energy individual, signed a pledge – while he was signing it, he fell asleep (Spokane, 07.05.2016).

Очевидно, что образ карикатурный. Каким бы флегматичным ни был человек, он не может заснуть, подписывая документы. Отправитель сообщения и его адресат прекрасно понимают это. Поэтому в данном конкретном случае гиперболизация преследует даже не столько цель оскорбления политического соперника в ходе праймериз, сколько его осмеяния, необходимого опять же не для того, чтобы унижить подразумеваемого политика или чиновника (он не обязательно присутствует лично в этой ситуации), а прежде всего, чтобы вызвать смех и положительные эмоции у «своего» адресата, т. е. у потенциальных избирателей.

В избирательном дискурсе Трампа этот прием в отношении Буша был сквозным, но подвергался языковым вариациям – вместо *low-energy* иногда появлялась жаргонная (сленговая) единица с близким значением *low-key*. Это говорит о политтехнологической подготовленности приема и отсутствии экспромта:

Jeb Bush... who was a very low-key person, very low-key person, I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy (Spokane, 07.05.2016).

Данная вариация – свидетельство языковой игры (word play) – дает возможность с еще большей силой подчеркнуть недостаток соперника, подаваемый как фундаментальный. Формально дискутируя с самим собой и представляя себя в качестве «лингвиста»⁸, всего лишь сравнивающего выразительность композитов *low-key* и *low-energy*, отвлекая внимание адресата от своей основной цели, Д. Трамп тем самым вовлекает слушателя в некий примитивный стилистический анализ, что дает ему возможность закрепить в сознании негативные ассоциации, порождаемые прилагательным *low* (низкий). Если это и можно назвать манипулированием, то всего лишь в его безобидной форме.

Гротеск может возникнуть в результате карикатурного сравнения с конвенциональным образом, например, с ребенком (отсылка к архетипу «неразумын как малое дитя»).

TRUMP: He knows less about the military than my ten year-old son Baron. Baron plays with military soldiers. He knows more about the military (Eugene, 06.05.2016).

Речь идет о компетентности в военных вопросах сенатора Л. Грэма. Сравнивая его со своим 10-летним сыном, приобретшим весь свой опыт ведения войны, играя «в солдатики», Д. Трамп точно рассчитал, что он ударит по сопернику-республиканцу, а не по сыну и не по нему самому, как воспитателю. Для ребенка такая «военная академия» нормальна (до определенного возраста, конечно), а для взрослого человека гротескна. Взрослому в США надо пройти через школу Вест-Поинта. При этом, рассказывая о своей семье, о малолетнем сыне, Д. Трамп – человек уже пожилой – не без оснований рассчитывает на симпатии многих американских слушателей.

В ходе кампании Д. Трамп не скрывал того, что он видит свою задачу в поддержании особой, положительной атмосферы на митингах, рассчитывая именно на этом «набрать очки». Вот почему он отказывался говорить о неприятных вещах и о серьезных политических проблемах:

⁸ Роль «лингвиста» традиционно не свойственна политику. Разыгрывание этой роли может быть интерпретировано как языковая игра – в ее более широком, философском, витгенштейновском понимании (language game).

A massive double-digit premium hike. I know the number, I will not tell you... I do not say the number because it is so depressing. **Right now everybody is happy, we are having a great time** (Sioux City, 06.11.2016).

Психологическая мотивация, конечно же, верна. Большинство примет посыл с благодарностью: нам сейчас здесь хорошо, мы радуемся и веселимся, я не хочу огорчать вас и вгонять в депрессию разными серьезными проблемами, которые мы все равно быстро решить не сможем. Поэтому оратор эксплицитно подсказывает, что все люди, слушающие его, счастливы (happy), наслаждаются моментом и что выбор тем для обсуждения не должен испортить эту взаимную радость общения. Причем упоминание информации, которая якобы доступна Д. Трампу, служит цели подогреть интерес аудитории и одновременно передает идею политической осведомленности ведущего кандидата.

Языковой игре, пусть и не гротескной, как средству утверждения важных лозунгов программы кандидата может способствовать «металингвистический» комментарий к собственной речи. Фактически мы почти всегда видим в этом комментарии скрытое сопоставление старой «неполиткорректной» и новой «политкорректной» лексики, за которым скрывается оппозиция консервативных и либеральных ценностей. Проанализируем, однако, сначала пример с лозунгом 'Drain the swamp' (Осушить это болото!)⁹.

TRUMP: When we win on November the 8th, we are going to drain the swamp. I keep telling people I hated that expression. I said it's so hawky. And then one group heard it, they went crazy, another group heard it. Then we had a big-big rally in Florida. They went crazy about it. And now I love it. It's true. It's accurate (Hershey, 04.11.2016).

Риторическая стратегия Д. Трампа состоит в том, чтобы несколько раз подряд оживить эту идею в сознании слушателя. Для этого он сначала **дважды** указывает на свои «сомнения» в обоснованности этого призыва (I hated that expression, it's so hawky), но затем, ссылаясь на общественное мнение, якобы с восторгом поддерживавшее на митингах его желание осушить «вашингтонское болото», он заявляет, что избиратели правы, что они заставили его отбросить всякие сомнения и убедили взять лозунг на вооружение. Основное средство воздействия в данном случае – экспрессивная разговорная лексика (e.g. go crazy); с ее помощью политик не только доказывает уместность этого призыва, но и укрепляет его в сознании избирателей. Разумеется, в этом примере прослеживается желание манипулировать аудиторией, приписывая ей свое мнение, но совершенно такие же приемы (заметим, что этот нельзя назвать грязным) применяют и противники Трампа, поскольку политическая борьба, немыслима без них.

Языковая игра, привычное орудие политеймента, нередко создается в результате столкновения в дискурсе эвфемизмов и дисфемизмов.

TRUMP: We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice (1st Rep. Deb.).

В пределах одной реплики Д. Трамп использует два синонимичных выражения – 'not have the clue' и 'to be incompetent'. Первое – эвфемизм, второе, не являясь собственно дисфемизмом, но приобретая в этом контексте аналогичную функцию, тем не менее характеризует ситуацию более резко.

Комический эффект создается и за счет того, что Д. Трамп, формально как бы отвергая неполиткорректное слово или выражение, всегда произносит его, причем часто повторяя еще несколько раз. Это также попытка манипуляции, ведь адресат не может не обратить внимание на ту лексическую единицу, которую оратор якобы не хочет применять.

TRUMP: She says she is a native American. I won't use word 'Indian' because they say it's not a nice word to use. So I will not say 'Indian' (Eugene, 06.05.2016).

⁹ Лозунг должен быть кратким, и потому указание на вашингтонскую правительственную бюрократию опускается. Но она все равно присутствует в нем почти для любого американца. В переводе на русский и другие языки приходится добавлять указание на место «расположения» этого болота. Иначе высказывание может принять и прямое значение – по тем или иным причинам болота часто требуют осушения.

Вся его демонстративная настойчивость в признании «правильности» употребления выражения «коренная американка» в условиях новой этики публичной межрасовой речи и порицании тех, кто использует старое слово для США (но не для России) «индейцы», лишь показывает его приверженность старой норме. Действительно, в слове *индеец* (Indian) нет и не может быть ничего оскорбительного для коренных жителей Америки, но оно не должно принимать небрежную разговорную форму, зафиксированную в орфографии *Injun*. Эта последняя считается индейцами оскорблением.

Конечно, политейменту свойственны и каламбуры. На этот раз иллюстрация начнется с Б. Карсона.

CARSON: I'm the only one to separate Siamese twins. The only one to operate on babies while they were still in mother's womb. The only one to take out half of a brain, although you would think, if you go to Washington, that someone had beaten me to it (1st Rep. Deb.).

Каламбур в данном случае возникает в результате актуализации двух значений выражения 'take out half of a brain': с одной стороны, оно может быть интерпретировано буквально («вынуть половину мозга»), но с другой, его смысл в том, что дискуссии профессиональных политиков навевают скуку, вгоняют в сон. В отличие от них Б. Карсон, врач по профессии, демонстрирует языковую изобретательность и находчивость.

Языковая личность политика-актера разыгрывает в дискурсе самые различные роли. Наиболее типичная для нее роль – знаменитости, «звезды»¹⁰. Так, Д. Трамп, сравнивая себя со звездами поп-музыки, хвастал, что он побил больше рекордов, чем Сэр Элтон Джон, – за время своей музыкальной карьеры Элтон Джон выпустил сотни песен, многие из которых стали мировыми хитами.

TRUMP: I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument. I don't have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we've broken a lot of records. We've broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don't need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth. And hopefully the brain attached to the mouth. Right? The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument>).

Полный фрагмент текста дает довольно точную картину как коммуникативной, так и риторической стратегии политеймента, показывает в динамике функционирование совокупности его лексических средств. В его пространстве политики устанавливают рекорды, участвуют в соревнованиях, подобно спортивным (недаром говорящий упоминает «хоккей, баскетбол и другие виды спорта»). Да, политики пока еще не часто играют на музыкальных инструментах, гитаре (guitar), но они, как замечает Д. Трамп, веселят аудиторию удачным острым словом и находчивостью.

Вполне ожидаемо появление сопоставлений со спортсменами, ведущими рукопашные схватки друг с другом (борцами, боксерами)¹¹. Д. Трамп проводил, например, параллели между собой и боксером: как и боксер, он нокаутировал своих противников.

I have to say our system was rigged too except for one thing: if you win by massive landslides every week, it's no longer. It's like the boxers (San Diego, 27.05.2016).

¹⁰ Эта роль, связанная со становлением и эксплуатацией новой медиаккультуры, также не была свойственна политикам прошлых эпох, несмотря на то что они, несомненно, были знаменитыми личностями, лидерами наций, вождями и т. д.

¹¹ В данном случае мы снова можем наблюдать происходящие изменения социальных и коммуникативных практик: восприятие политики как азартного спорта, жесткого соревнования, где можно быть нокаутированным, не является конвенциональным. Д. Трамп в своем дискурсе часто отождествляет диаду «политика – спорт». Это находит также выражение в делении кандидатов на *winners* (победителей) и *losers* (проигравших).

Но в политейменте политик может взять на себя и другие роли, в частности, предстать в образе прокурора.

CHRISTIE: ...So **let's do something fun** tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character (Chants: 'Lock her up').

Справедливости ради надо заметить, что в прошлом К. Кристи работал прокурором, но на этот раз он «обвиняет» Х. Клинтон в рамках политической игры. На то, что в процессуальном отношении это так, указывает лексическая единица 'fun'.

CHRISTIE: So I gonna ask you this – Hillary Clinton as a failure for running Libya and creating a nest for terrorist activity by ISIS, answer me now: is she guilty or not guilty? (Chants: 'Guilty!') (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Важно принять во внимание, что если К. Кристи позиционирует себя в качестве прокурора, то аудитории он предлагает стать на время присяжными, они могут выносить вердикт, что и происходит на самом деле. Таким образом у адресата создается иллюзия, что он сопричастен процессу смыслопорождения в дискурсе. Употребляя риторические вопросы, уже заведомо выносящие «обвинительный» приговор экс-госсекретарю, К. Кристи направляет возможные ответы людей, его слушающих. И, тем не менее, выкрикивая лозунги, они включены в игру, принимают непосредственное участие в ней. Риторические вопросы неоднократно повторяются политиком, что позволяет игре длиться во времени.

CHRISTIE: So now let's figure it out, let's decide, Hillary Clinton as an apologist for an Al-Qaeda affiliate in Nigeria resulting in the capture of innocent young women, is she guilty or not guilty? (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Ср.: So we must ask this question: Hillary Clinton as an awful judge of the character of a dictator and butcher in the Middle East, is she guilty or not guilty? (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>).

Заключение

Отметим, что становление политеймента – это сложный процесс, являющийся следствием общего политико-коммуникативного тренда, ведущего к формированию особого пространства общения, интегрирующего в себя элементы разнообразных дискурсивных сред – политической, масс-медийной, бытовой.

Основная лингвопрагматическая установка политеймента связана с развлечением, актуализацией людической функции языка. При этом необходимо признать, что ее носителями являются не только политики, но и аудитория, ожидающая более интересного, оживленного и менее серьезного общения, чем это традиционно было свойственно политическим речам.

Чтобы соответствовать запросам адресата, языковая личность политика вынуждена трансформироваться, отказываться от классического политического стереотипа «сверхчеловека», вождя и превращаться под воздействием ряда факторов в языковую личность политика-актера.

Предлагаемый термин «языковая личность политика-актера» не указывает на предыдущую профессиональную деятельность политика, но соотносится с его новой манерой политического поведения и говорения. Для языковой личности политика-актера свойственно использование языковых и – в более широком смысле – политических игр. Такой политик может предстать перед аудиторией в роли «лингвиста», «звезды», спортсмена, прокурора и т. д.

Политики-актеры активно используют лингвостилистические средства, фигуры и тропы: гротеск, каламбур, сравнение, риторический вопрос.

Несомненно, необходимо дальнейшее изучение политеймента и языковой личности политика-актера, функционирующей в нем, на примере не только американского дискурса, но и украинского, российского и др. Конечно, это уже делается: в частности президентские вы-

боры на Украине вызвали небывалый интерес со стороны зарубежных аналитиков именно в связи с тем, что они явно отличались от традиционных президентских кампаний¹², но думается, что затронутая в настоящей статье тема найдет отклик и у отечественных лингвистов и политологов.

Список литературы

- Алексеев А. Б.** К вопросу выделения типов языковой личности политического деятеля // Материалы международной научно-практической конференции «Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты». М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 29–35.
- Денисенко В. Н., Чеботарева Е. Ю.** Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2008. 258 с.
- Еремина Д. А.** Лексические средства выразительности в радиопрограммах формата «полит-эйнмент» (на материале немецких общественно-правовых радиостанций N-JOY и RA-DIOEINS) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38), ч. 2. С. 64–66.
- Жиро Т.** Политология: Пер. с пол. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2006. 428 с.
- Жувенель Б. де.** Власть: естественная история ее возрастания / Пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: ИРИСЕН, Мысль, 2011. 546 с.
- Иссерс О. С.** Речевое воздействие: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 244 с.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Крышталева В. Е.** Милиарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Лебедева С. Г.** Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма «A Beautiful Mind») // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 27–45.
- Михалева О. Л.** Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
- Сидоров Е. В.** Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 232 с.
- Сорокина Э. А.** Особенности термина «профессиональная языковая личность» // Материалы научно-практической конференции «Современные проблемы экологии языка». Астрахань, 2017. С. 269–277.
- Терехова Е. В.** Прагматика современного английского политического дискурса и рекуррентные конструкции // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9, № 2. С. 131–137.
- Федотова Н. А.** Политейнмент как инструмент масс-медиа // Журналістыка-2015: стан, проблеми і перспективи: Матеріялы 17-й Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск: БДУ, 2015. Вып. 17. С. 460–462.
- Фефелов А. Ф.** Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 40–49.
- Фефелов А. Ф.** Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.
- Baudrillard, J.** In the shadow of the silent majorities and other essays. Transl. from French by P. Foss et al. New York, Columbia University Press, 1983, 129 p.

¹² См.: Президентская гонка как политейнмент [Электронный ресурс]; *Pasquier, V.* Election en Ukraine...

- Bell, D.** Power, Influence and authority. An essay in political linguistics. New York, Oxford University Press, 1975, 131 p.
- Dörner, A.** Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 2001, 272 S.
- Holly, W.** Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. In: Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Göttingen, Unipress GmbH, 2011, Heft 3, S. 227–237.
- Leech, G.** The pragmatics of politeness. Oxford, Oxford University Press, 2014, 343 p.
- Rountree, C.** Venomous speech. Santa Barbara, Praeger, 2013, 459 p.
- Pasquier, V.** Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction). URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020)

References

- Alexeyev, A. B.** On the question of differentiating between the types of the language personality of the politician. In: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty". Moscow, 2018, p. 29–35. (in Russ.)
- Baudrillard, J.** In the shadow of the silent majorities and other essays. Transl. from French by P. Foss et al. New York, Columbia University Press, 1983, 129 p.
- Bell, D.** Power, Influence and authority. An essay in political linguistics. New York, Oxford University Press, 1975, 131 p.
- Denisenko, V. N., Chebotareva, E. Yu.** Contemporary psycholinguistic methods of the analysis of speech communication. Moscow, 2008, 258 p. (in Russ.)
- Dörner, A.** Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 2001, 272 S.
- Eremina, D. A.** Lexical expressive means in the sound programs of "politainment" format (by the material of the German social and legal radio stations N-JOY and RADIOEINS). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 8 (38), part 2, p. 64–66. (in Russ.)
- Fedotova, N. A.** Politainment as an instrument of mass media. In: Zhurnalistyka-2015: stan, problemy i perspektivy. Materialy 17-j Mizhnar. navuk.-prakt. kanf. Minsk, BSU Press, 2015, iss. 17, p. 460–462. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Dialectics of Race and Racism Markers in "The Adventures of Tom Sawyer" and "The Adventures of Huckleberry Finn". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, p. 40–49. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic Trends in the Evolution of the Russian Translation Studies: pro and contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)
- Holly, W.** Politische Inszenierungen. Gutenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. In: Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes. Göttingen, Unipress GmbH, 2011, Heft 3, S. 227–237.
- Issers, O. S.** Speech influence: tutorial. Moscow, Flinta: Nauka, 2009, 244 p. (in Russ.)
- Jouvenel, B. de.** Power: the natural history of its growth. Transl. from French by V. P. Gajdamak. Moscow, IRISN, Mysl' Publ., 2011, 546 p. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** The Russian language and the language personality. 7th ed. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)
- Kryshtaleva, V. E.** Military metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–90. (in Russ.)

- Lebedeva, S. G.** Linguostatistic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film *A Beautiful Mind*). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 27–45. (in Russ.)
- Leech, G.** The pragmatics of politeness. Oxford, Oxford University Press, 2014, 343 p.
- Mikhaleva, O. L.** Political discourse. Specifics of the manipulative influence. Moscow, Librocom Publ., 2009, 256 p. (in Russ.)
- Pasquier, V.** Election en Ukraine : un humoriste télé aux portes de la présidence (et ce n'est pas une fiction). URL: <https://www.telerama.fr/television/election-en-ukraine-un-humoriste-tele-aux-portes-de-la-presidence-%28et-ce-nest-pas-une-fiction%29,n6192187.php> (accessed 31.01.2020)
- Rountree, C.** Venomous speech. Santa Barbara, Praeger, 2013, 459 p.
- Sidorov, E. V.** The ontology of discourse. Moscow, LKI Publ., 2008, 232 p. (in Russ.)
- Sorokina, E. A.** The peculiarities of the term "professional linguistic personality". In: *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennye problemy ekologii yazyka"*. Astrahan, 2017, p. 269–277. (in Russ.)
- Terekhova, E. V.** Pragmatics of Modern English political discourse and recurrent constructions. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, vol. 9, no. 2, p. 131–137. (in Russ.)
- Zhiro, T.** Politology. Transl. from Polish. Kharkov, Humanitarny Centre Press, 2006, 428 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
03.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Алексеев Александр Борисович, преподаватель Московского областного филиала РАН-ХиГС (ул. Речная, 6, Красногорск, Московская область, 143402, Россия)

Alexander B. Alexeyev, a teacher of the Moscow oblast subsidiary of the Russian Academy of Economy and Public Administration, the chair 'English Language' (6 Rechnaya Str., Krasnogorsk, 143402, Russian Federation)

neuausstatten@mail.ru

ORCID 0000-0003-2740-4649